

**Логически обусловленная модель сложноподчиненных
предложений с семантикой терминологического толкования**

Начиная со второй половины 20 века, внимание многих лингвистов сосредоточено на проблеме семантической интерпретации предложения. Актуальной эта проблема остается, безусловно, и на современном этапе. После опубликования прецедентных работ Н. Хомского [7; 8], в распоряжении исследователей появился трансформационный метод. Исходной посылкой данного метода послужило разграничение поверхностной структуры предложения, которая определяет его фонетическую интерпретацию, и глубинной структуры, которая определяет его семантическую интерпретацию [7: 20-21]. Как известно, концепция Н.Хомского основывалась на том, что из некоторого ограниченного числа моделей т.н. «ядерных предложений» с помощью «трансформационного компонента» грамматика конкретного языка способна породить неограниченное множество правильных предложений [7: 21].

Органично связанной с концепцией Н. Хомского можно считать также концепцию Г. Г. Почепцова, который полагал, что адекватное и компактное описание синтаксической структуры языка может быть достигнуто описанием ядерных (нераспространенных) предложений и способов их распространения, развертывания в многообразные синтаксические структуры, возможные в данном языке. Исследователь выделяет целую совокупность таких способов распространения ядерного предложения, именуемых также «синтаксическими процессами»: расширение, усложнение, совмещение, развертывание, присоединение, включение [4: 115].

Генеративная грамматика, однако, была не единственной исследовательской парадигмой, в русле которой разрабатывались проблемы семантики предложения. Следует еще иметь в виду существование таких методов анализа, как выявление «глубинных падежей», конституирующих т.н. «падежную рамку» предложения по Ч. Филлмору [6: 408], а также логический анализ языка, появившийся еще раньше в связи с логическим направлением в языкознании. Несмотря на то, что именно гипертрофированное применение этого последнего становилось объектом критики со стороны других направлений (младограмматизм, психологизм, функционализм и др.),

настоящей статьей мы хотим показать, что ограниченная объяснительная сила трансформационного метода и анализа «падежной рамки» предложения иногда может быть эффективно компенсирована логическим анализом языка.

Наше внимание было обращено на существование в английском языке предложений, которые по своему содержанию, вроде бы, представляют собой *регулятивные* определения, т.е. более конкретно раскрывают смысл, вкладываемый конкретным исследователем в понятие, с учетом уже имеющегося определения этого понятия [1: 75]. В то же время такие определения регулярно оформляются в виде сложноподчиненного предложения с условным придаточным. Таким образом, они одновременно проявляют свойства как монопропозитивного, так и полипропозитивного высказывания, что может показаться парадоксальным:

(1) *Kruisinga speaks of conversion whenever a word takes on a function which is not its basic one.*

(2) *The morphs are said to be in contrastive distribution if their meanings (functions) are different.*

(3) *The valency of a word is said to be “realized” when the word in question is actually combined in an utterance with its corresponding valency partner.*

Даже не проводя тщательного логического анализа, нельзя не заметить, что вышеприведенные примеры допускают эквивалентное перефразирование, результат которого может быть представлен, например, следующим образом:

(1a) *According to Kruisinga, conversion is the use of a word in a function different from its basic one.*

(2a) *Contrastive distribution of morphs is the set of positions in which they have different meanings (functions).*

(3a) *The realization of the valency of a word is its actual use with the corresponding valency partner.*

Нами поставлена задача выяснить характер парадигматических отношений в оппозициях типа (1) / (1a), (2) / (2a), (3) / (3a) и, разумеется, привести убедительные доказательства возможности подобного перефразирования.

Мы полагаем, что трансформационный анализ с использованием методики Н. Хомского [8] и Г. Г. Почепцова [4] вряд ли позволит нам объяснить, каким образом могут приведенные предложения и их трансформы, предложенные нами, иметь деривационную связь между собой. Не решает полностью поставленную проблему и изолированное обращение к «глубинным падежам», скажем, Ч. Филлмора [6] или В. В. Богданова [2]: мы сможем лишь охарактеризовать, например, понятия «конверсия» и «использование

слова в нетипичной функции», соответственно, как ономасиатив и дескриптив / объектив и т.п. Однако это проливает свет лишь на семантику номинативных компонентов предложения – т.н. аргументов, непредикатных знаков [2], но не позволяет понять природу деривационной связи между целостными моделями предложений.

Положение существенно изменится, если мы примем во внимание различие между статическим и динамическим аспектами деривационного синтаксиса. Различие заключается в том, что первый отражает просто вхождение синтаксических структур в парадигму вне зависимости от их роли в некоторой деривационной цепочке, а второй отражает процесс преобразования одной структуры в другую, в рамках которого устанавливаются деривационные пары, правила преобразований и их типы [3, с.138]. В нашем случае мы считаем возможным говорить об исходности структур типа (1), (2), (3) и, соответственно, производности (1a), (2a), (3a), но мы как раз отказываемся трактовать, скажем, (1a) как результат трансформационного процесса (серии трансформаций), произошедшего с исходной структурой (1). Вместо этого мы будем воспринимать эти структуры как данные, фактически представленные в системе и попытаемся раскрыть характер логических связей между ними.

Мы проведем наш анализ на примере оппозиции (1) / (1a):

(1) *Kruisinga speaks of conversion whenever a word takes on a function which is not its basic one.* – К. говорит о конверсии во всех случаях, когда слово принимает функцию, которая не является его основной функцией. (перевод наш)

(1a) *According to Kruisinga, conversion is the use of a word in a function different from its basic one.* – По К., конверсия – это использование слова в функции, которая отлична от его основной функции.

Во-первых, данное высказывание (1) логически удовлетворяет основному свойству общеутвердительного суждения, структура которого имеет вид *Все S суть P* (*S* – логический субъект, *P* – логический предикат, *суть* – логическая связка). На языке символической логики общеутвердительное высказывание записывается формулой $\forall x (P(x) \rightarrow Q(x))$, которая означает следующее: для всякого *x* верно, что если он обладает свойством *P*, то он обладает свойством *Q* [1: 117]. Общеутвердительный статус дефиниций обусловлен тем, что адекватное определение термина, по возможности, эксплицирует неотрицательный(е) признак(и), характерный(е) для всех «экземпляров», обозначенных этим термином.

Всякий раз, когда мыслящий субъект проверяет, подходит ли его фактический объект исследования под какое-либо общее определение термина вида A – это B , он, сам того не осознавая, действует по следующему алгоритму:

1. Этап «диагностики». Проверить, обладает ли объект существенным признаком B .

2. Этап «атрибуции». Здесь возможны два альтернативных случая:

А) Если такой признак B имеется, то присвоить объекту имя A .

Б) Если такой признак B отсутствует, то не присваивать объекту имени A .

Как видим, уже в этом простейшем случае задействован механизм проверки условий, и поэтому соответствующие «команды» формулируются на естественном языке в виде условных предложений.

Обозначим в анализируемом высказывании (1) идею «случай использования слова в нетипичной функции» символом S , а идею «случай конверсии» – символом P . Получаем общеутвердительное суждение:

(1b) All (A) the cases of the use of a word in a non-standard function (S) are the cases of conversion (P).

Мыслительный процесс индивида, сопровождающий этап «атрибуции» в приведенном нами алгоритме, может быть вербализован в следующем виде:

(1c) If the word under analysis (x) is used in a non-standard function (P_1), it represents a case of conversion (Q). If the word under analysis (x) is not used in a non-standard function (P_1), it does not represent a case of conversion (Q).

В вербализации (1c) символами P_1 и Q , обозначены разные свойства, одновременно присущие объекту x , т.е. «использование слова в нетипичной функции» и «способность слова принимать имя случай конверсии». Таким образом, анализируемое высказывание (1) на самом деле логически приводится к виду *Все S суть P* и одновременно укладывается в формулу $\forall x (P(x) \rightarrow Q(x))$.

Итак, мы убедились, что семантический анализ дефинитивных высказываний на самом деле осуществляется с помощью приведенного нами алгоритма, в котором задействованы команды в виде условных предложений. Чтобы еще больше укрепить доказательную базу, отметим, что этот алгоритм, полученный нами методом интроспекции, на самом деле согласуется с правилами эквивалентно-категорического заключения. Последнее характеризуется тем, что одна из посылок представляет собой эквиваленцию, или двустороннюю импликацию (сложное суждение, образованное объединением двух или нескольких простых суждений с

помощью логического союза *если и только если, то...* таким образом, что утверждается равнозначность простых суждений [5: 90]), а другая – простое категорическое суждение вида *S есть P* [5: 157]. Поскольку в нашем высказывании (1) обе части утвердительны, для нас релевантны следующие 2 правила этого умозаключения (всего правил - 4):

$$((p \leftrightarrow q) \wedge p) \rightarrow q$$

$$((p \leftrightarrow q) \wedge q) \rightarrow p,$$

где p и q – простые категорические суждения, $\leftrightarrow$ – знак двусторонней импликации, $\rightarrow$ знак вывода (заключения), $\wedge$ – знак конъюнкции (логический союз *и*) [5: 157].

Допустим, что сегментом $p \leftrightarrow q$ представлено целостное высказывание (1), а буквами p и q – его соответствующие части. Иными словами, структура логического вывода, в зависимости от второй посылки, может быть представлена следующими двумя вариантами:

А) Посылка 1: *Kruisinga speaks of conversion (p) whenever a word takes on a function which is not its basic one (q).*

Посылка 2: *The word under analysis takes on a function which is not its basic one (q).*

Заключение: *We have a case of conversion (p).*

Б) Посылка 1: *Kruisinga speaks of conversion (p) whenever a word takes on a function which is not its basic one (q).*

Посылка 2: *(It is somehow stated that) we have a case of conversion (p).*

Заключение: *(It is to be understood that) the word under analysis takes on a function which is not its basic one (q).*

Как видим, более естественным является первый вариант, но фактически оба из них являются возможными, поскольку имеют логическое основание. Следовательно, рассматриваемая модель условных предложений с семантикой терминологического толкования органически входит в структуру эквивалентностно-категорического заключения в качестве одной из его посылок.

Примечательно, что установленное нами направление синтаксической производности оказывается прямо противоположным тому, которое можно было бы ожидать при попытке применить стандартный трансформационный метод. В трансформационной грамматике (т.е. в динамическом аспекте трансформационного синтаксиса) сложноподчиненные предложения, как правило, считаются производными от нескольких простых. В нашем же исследовании (учитывающем только статический аспект отношений производности) получается, что сложноподчиненное предложение с условным придаточным, характеризующееся семантикой

равнозначности, является исходным по отношению к дефинитивному предложению, построенному по модели составного именного сказуемого. Указанный парадокс объясняется тем, что в парадигме *сложноподчиненное предложение с семантикой равнозначности / модель составного именного сказуемого* первый член более точно отражает логическую процедуру получения нового знания исследователем и, следовательно, с формально-логической точки зрения, его поверхностная структура оказывается даже более близкой к глубинной структуре, чем это имеет место со вторым членом оппозиции.

Подобные примеры позволяют сделать вывод, что во многих случаях существование тех или иных поверхностных структур отражает ход мыслительной деятельности пользователя языка. Существование же еще большего числа несоответствий и расхождений между логическими и языковыми структурами объясняется «незеркальным», косвенным характером отражения языковым сознанием мыслительного процесса индивида, а также избирательностью системы конкретного языка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Берков, В.Ф. Логика: учеб. пособие / В.Ф.Берков [и др.]; под общ. ред. В.Ф.Беркова. – Минск: Выш. шк., 1994. – 296 с.
2. Богданов, В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В.В.Богданов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. – 203 с.
3. Долинина, И.Б. Некоторые вопросы исходности и производности синтаксических структур / И.Б.Долинина // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. – Л.: Наука, 1977. – С.138-143
4. Почепцов, Г.Г. Конструктивный анализ структуры предложения / Г.Г.Почепцов. – Киев: Вища шк., 1971. – 191 с.
5. Севостьянова, Н.Г. Логика: учеб.-методич. пособие / Н.Г.Севостьянова. – Минск: МГЛУ, 2012. – 284 с.
6. Филлмор, Ч. Дело о падеже / Ч.Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1981. – Вып.10: Лингвистическая семантика. – С.369-495.
7. Хомский, Н. Аспекты теории синтаксиса / Н.Хомский; пер. с англ., под ред. В.А.Звегинцева. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 259 с.
8. Хомский, Н. Синтаксические структуры / Н.Хомский // Новое в лингвистике. – М., 1962. – Вып. 2. – С.412 – 527.

